

С. Н. Панина

РЕЛЬЕФНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛИЧИН ПОД ВЕНЧИКАМИ СОСУДОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА

Уникальное явление в урало-западносибирской археологии — керамика с рельефными изображениями личин под венчиками — привлекает внимание исследователей на протяжении длительного времени. Всякий раз, обращаясь к уральскому феномену и публикуя новые источники, авторы обязательно останавливаются на двух ключевых моментах: на определении культурной принадлежности керамики и функциональном назначении сосудов. Суммируя сегодня различные точки зрения, можно сказать, что мнения о культовом характере сосудов с рельефными изображениями придерживаются многие исследователи¹. Также большинство специалистов относят эту посуду к ранненеолитическому времени, отмечая, что значительная часть опубликованных фрагментов принадлежит козловскому (кокшаровско-юринскому) типу керамики². В. Т. Ковалева и В. А. Арефьев, рассматривая материалы с памятников лесного Зауралья — Кокшаровского и Махтыльского холма, Чашихи, Полуденки I — дополняют, что в одном случае рельефные изображения были встречены на сосуде кошкинского типа (поселение ЮАО-VI), предполагая, что это результат влияния³. Их точку зрения разделяют А. Ф. Шорин и Л. В. Носкова, которые относят основной массив находок с Кокшаровского холма к кокшаровско-юринскому типу, но часть фрагментов с рельефными изображениями — к кошкинскому типу сосудов⁴. Дискуссионным является вопрос о функциональном назначении сосудов, который тесно связан с более конкретным вопросом: какие персонажи изображены на сосудах?

В. И. Мошинская предполагала, что на рельефах изображены зооморфы, которые использовались в качестве апотропеев в случае, когда зооморфные головки были обращены мордочкой внутрь сосуда. Если мордочкой наружу, то, возможно, они служили меткой на посуде для различной пищи⁵.

Ю. Б. Сериков, анализируя керамику с рельефными изображениями с точки зрения «культы голов», бытовавшего на Урале в разные эпохи, поддержал мнение В. И. Мошинской, что головки на сосудах являлись апотропеями, выполнявшими охранительную функцию. При этом он уточняет, что головки, обращенные внутрь сосуда, охраняли внешний мир от содержимого сосуда, а головки, обращенные наружу, — соответственно, содержимое сосуда от вредных воздействий внешнего мира. Исходя из того, что в зооморфном пантеоне древних уральцев наиболее сильной защитной функцией обладает медведь, Ю. Б. Сериков предположил, что большая часть рельефов на сосудах изображает стилизованные головки медведя⁶. В. Т. Ковалева и В. А. Арефьев отнесли рельефные изображения на сосудах к зооморфным тотемным предкам и связали использование этой посуды с обрядами упрочения единства коллектива, рассматривая их как емкость для крови и мяса тотема⁷.

В 2007 году А. Ф. Шорин и Л. В. Носкова картографировали местонахождения 95 сосудов с рельефными изображениями, происходящих с 28 памятников, и подробно проанализировали керамику Кокшаровского холма (57 фрагментов от 49 сосудов). Была создана типологическая классификация особенностей передачи изображений на сосудах. Далее мнения авторов разделились. А. Ф. Шорин склонен видеть в иконографии налепов (рельефов) зооморфные и орнитоморфные образы. Л. В. Носкова часть личин считает антропоморфными⁸.

В работе, вышедшей в 2010 году, А. А. Бунькова (Герасименко) ввела в научный оборот фрагменты керамики с рельефными изображениями с Кокшаровского, Махтыльского, Усть-Вагильского холмов, Юринского поселения, Полуденки I, Чашихи из раскопок и сборов прошлых лет О. Н. Бадера, А. И. Россадович, В. Ф. Старкова, П. К. Халяева, хранящихся в фондах Нижне-Тагильского музея-заповедника⁹. Большую часть опубликованных фрагментов она отнесла к кокшаровско-юринскому

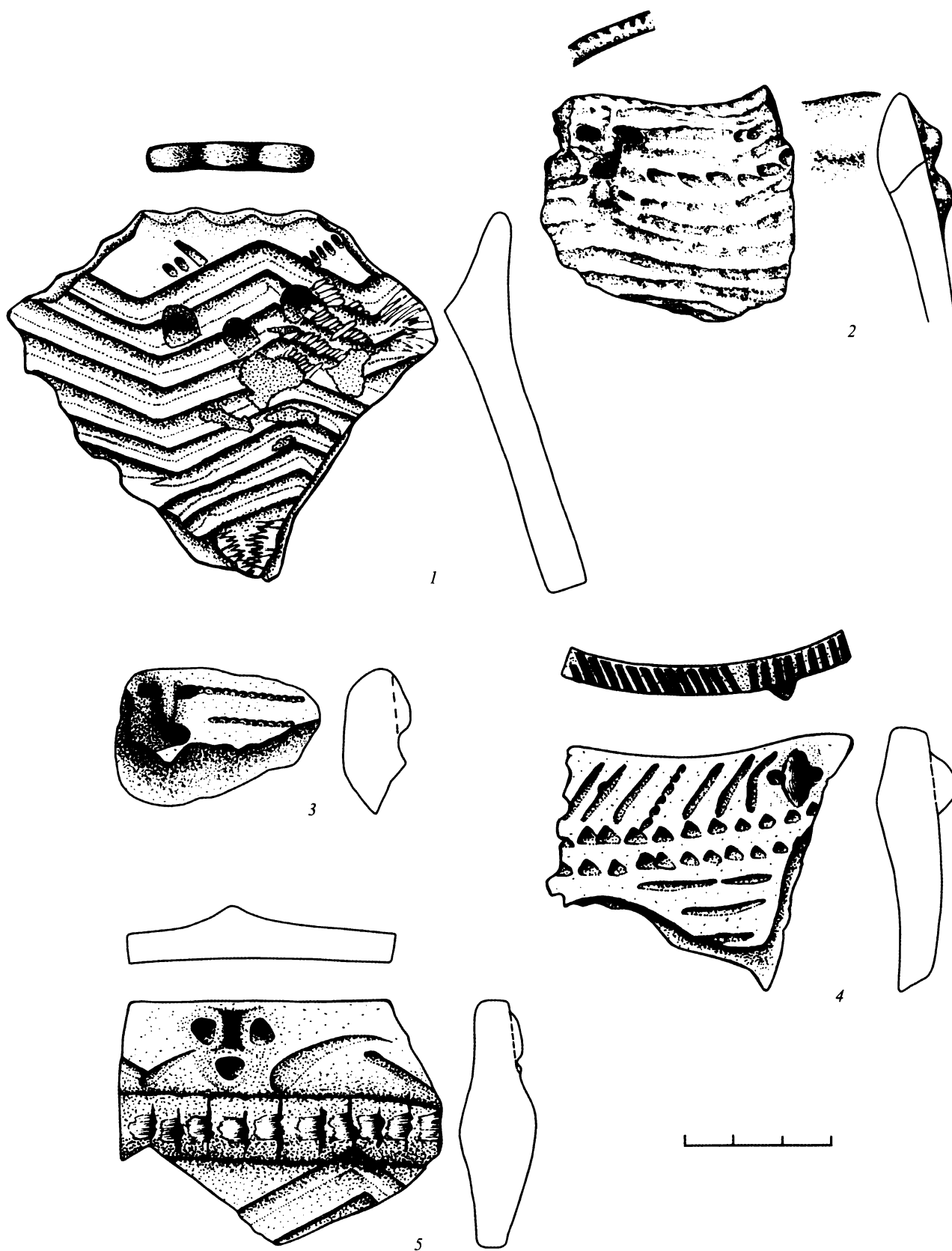

Рис. 1. Антропо- и зооморфные изображения на неолитической керамике Усть-Вагильского холма.
1, 5 – сатыгинский тип; 2–4 – кокшаровско-юринский тип

типу, единицы — к кошкинскому, ставя иногда знак вопроса. В отличие от других авторов, А. А. Бунькова дистанцировалась от скрытых интерпретаций, использующихся в названии феномена, — «зооморфные и антропоморфные образы» — и ввела термин «керамика с фигурными налепами».

В последние годы при раскопках на Усть-Вагильском холме найдена небольшая серия фрагментов керамики с рельефными и графическими изображениями личин, которая позволяет уточнить некоторые дискуссионные положения обозначенной проблемы.

За шесть лет раскопок (2005–2010 гг.) на этом холме вскрыто 80 кв. м на глубину до 4,67 м. Нижние слои холма, начиная с уровня –1,80 м, связаны с керамикой энеолитического гребенчатого типа, а с глубины –2,40 м — с керамикой кокшаровско-юринского, сатыгинского и боборыкинского типов эпохи неолита, с преобладанием в нижних слоях сатыгинской керамики. Собрана представительная коллекция глиняной культовой пластики, которая опубликована лишь частично¹⁰.

Кроме орнито-, зоо- и антропоморфных фигурок и их обломков, на Усть-Вагильском холме найдены четыре фрагмента сосудов с рельефными изображениями в виде личины, обращенной вовне. Три из них происходят из раскопок автора статьи, один — из раскопок А. И. Россадович на Усть-Вагильском холме в 1970 году (хранится в Нижне-Тагильском музее-заповеднике). Один фрагмент с графическим условным изображением личины также происходит из раскопок автора.

1. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 2) баночной формы с наплывом изнутри и волнистым венчиком, орнаментированным по краю косой насечкой. Тесто с примесью песка. Цвет черепка серый, толщина стенки — 0,5 см. Внутренняя поверхность черепка ровная, хорошо заглажена, без следов нагара, копоти. Фрагмент орнаментирован прямыми и волнистыми линиями, выполненными плоской лопаточкой в отступающей технике. В верхней части сосуда под венчиком смоделированы три углубления (глаза и рот), между глаз — округло-овальный налеп, изображающий, по-видимому, нос. Под нижним отверстием (ртом) — еще один овальный налеп, изображающий бороду или подбородок. Относится к кокшаровско-юринскому типу керамики.

2. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 5) баночной формы с прямым плоским неорнаментированным венчиком. Тесто с примесью шамота и песка, внутренняя сторона хорошо заглажена. Толщина стенки — 0,5 см, в месте наплыва — 0,9 см. На внешней стороне черепка фиксируется налепной валик с рядом насечек. После нанесения насечек валик был заглажен, из-за чего насечки выглядят затертыми. Ниже и выше валика фрагмент орнаментирован резными линиями — двойным зигзагом снизу и одинарным, небрежно исполненным — сверху. Под венчиком был сделан большой округлый налеп, поверх которого косо поставленным инструментом нанесены три глубоких ямки. Нижняя граница налепа проходит под ямкой, условно названной ртом, и очерчивает подбородок и щеки. Таким образом, вся личина выполнена на самом налепе. Сатыгинский тип керамики.

3. Фрагмент сосуда (рис. 1 – 4) баночной формы с наплывом изнутри, волнистым венчиком, орнаментированным косыми насечками. Толщина стенки — от 0,6 до 0,8 см. Тесто с примесью песка, сосуд хорошо заглажен с двух сторон. Орнамент в виде прямых полос и пояса из отдельных вдавлений выполнен в отступающе-наколычатой технике. В верхней части сосуда под венчиком на поверхности черепка фиксируются две глубокие симметричные ямки (глаза), между которыми расположен налеп в виде семечковидного выступа. Ямки нанесены строго по центру налепа. Кокшаровско-юринский тип керамики.

4. Маленький фрагмент сосуда из раскопок А. И. Россадович на Усть-Вагильском холме (рис. 1 – 3). Фрагмент светло-серого цвета. Венчик плоский, оформленный косыми узкими насечками. Фрагмент украшен горизонтальными линиями, выполненными в отступающей технике, толщина стенки — 0,6 см. Личина расположена в верхней части сосуда. Отверстия глаз и рта обозначены на плоской поверхности черепка. Между «глазами» — подпрямоугольный, слегка выступающий налеп. Культурная принадлежность не определена (описание дано по А. А. Буньковой).¹¹

5. Фрагмент керамики с условным изображением (рис. 1 – 1). Сосуд баночной формы с сильно отогнутой наружу шейкой, венчик прямой, без наплыва, украшен неглубокими ямочными вдавлениями; толщина стенки — 0,6 см. В тесте — примесь песка. Цвет черепка снаружи темно-серый, изнутри — серо-желтый. Орнаментирован сплошными рядами зигзагов в технике прочерчивания. Часть рисунка справа была затерта еще до обжига сосуда, в центральной части орнамент на фрагменте залощен, по-видимому, от соприкосновения с мягким материалом (замшей, выделанной кожей) в процессе использования уже обожженного сосуда или фрагмента. В его верхней части поверх орнамента нанесены косо поставленным орудием три глубокие ямки: широко расставленные несимметричные «глаза»

и, на небольшом расстоянии от них, рот. Над плоским изображением элементы орнамента образуют двойной зигзаг (верхнюю его точку), тоже несколько ассиметрично; по обе стороны двойного зигзага нанесены в технике отступания (которая больше не присутствует в узорах на данном фрагменте) слева — три семечковидных вдавления и одна длинная черта, справа — четыре аналогичных вдавления. В сочетании с двойным зигзагом сверху эти вдавления могут передавать в стилизованной манере уши животного. Сатыгинский (?) тип керамики.

Суммируя описанное выше, можно сделать следующие выводы.

Небольшая выборка фрагментов с Усть-Вагильского холма включает в себя керамику не только с рельефными изображениями личин, но и с графическим. Все сосуды не имеют следов копоти, нагара, прокаленности, следовательно, они не имели контакта с огнем после обжига.

Три фрагмента сосудов, включая и хранящийся в фондах Нижне-Тагильского музея-заповедника, на наш взгляд, можно отнести к кокшаровско-юрьинскому типу керамики (рис. 1 – 2, 3, 4). Два других (рис. 1 – 1, 5) — к сатыгинскому типу. Стратиграфически два последних фрагмента залегают на глубине –3,5–3,6 м, тогда как кокшаровско-юрьинские значительно выше — от –2,1 до –3,1 м.

При рассмотрении вопроса об образах, изображенных на рельефах, ключевым, с нашей точки зрения, является следующий элемент иконографии: расположение глаз относительно носа/переносицы персонажа¹². Если налеп, выполняющий роль носа, помещен между «глаз» и не распространяется выше на переносицу, то можно предполагать антропоморфность образа (рис. 1 – 2). На этом фрагменте антропоморфность подчеркнута и выдающимся вперед подбородком/бородой. Иначе расположен налеп у персонажа на фрагменте № 4. Четкий, выступающий овал с одинаково приостренными концами, прямо по центру которого расположены близко поставленные глаза. Возможно, так передан образ орнитоморфа с массивным клювом, загигающимся к низу. Личина, изображенная графически (рис. 1 – 1), при наличии ушек читается как зооморфная. Две других (рис. 1 – 3, 5) могут быть интерпретированы и как зооморфные, и как антропоморфные.

Находки с Усть-Вагильского холма пока не позволяют решить основную проблему раннеэнеолитической керамики с рельефными изображениями, но проливают свет на многообразие персонажей, использовавшихся в орнаментации культовой посуды, что не противоречит мифологической картине мира в каменном веке.

¹ Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. – М., 1940. – С. 40; Мошинская В. И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории ургов. – М., 1972. – С. 56–65; Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // СА. 1984. № 1. – С. 235; Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // ВАУ. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 21. – С. 107; Усачева И. В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита – бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // ВАУ. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 23. – С. 123; Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // Миф и символ в прошлом и настоящем. – Нижний Тагил, 2007.

² Арефьев В. А. Зооморфные мотивы... – С. 235; Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов... – С. 118; Шорин А. Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налпами Кокшаровского холма // III Берсовские чтения: Мат-лы науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 42.

³ Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов... – С. 115.

⁴ Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Скульптурные зооморфные изображения...

⁵ Мошинская В. И. О зауральских зооморфных изображениях... – С. 62.

⁶ Сериков Ю. Б. «Культ голов» в обрядовой практике древнего населения Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 5. – С. 45.

⁷ Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов... – С. 119.

⁸ Носкова Л. В., Шорин А. Ф. Скульптурные зооморфные изображения...

⁹ Бунькова А. А. Керамика с фигурными налпами из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Тагильский вестник. Историко-краеведческий альманах. – Нижний Тагил, 2010. – Вып. 6.

¹⁰ Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // ВАУ. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 25.

¹¹ Бунькова А. А. Керамика с фигурными налпами... – С. 201, 207; рис. 4–7.

¹² К сожалению, у автора не было возможности проверить этот тезис на всей выборке керамики с рельефными изображениями, опубликованными коллегами.